

Кровать / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Кровать / новелла КРОВАТЬ

Однажды, прошлым летом, в знойный послеполуденный час, огромный аукционный зал, казалось, погрузился в дремоту, и оценщики объявляли о покупках умирающими голосами. В углу одного из зал второго этажа лежала куча старинных церковных облачений.

Там были торжественные мантии и очаровательные ризы с вышитыми вокруг символических букв на пожелтелом шелковом фоне гирляндами, который стал кремовым из белого, каким был когда-то.

Присутствовало несколько барышников, двое или трое мужчин с грязными бородами и дородная толстобрюхая женщина, одна из так называемых торговок нарядами, а на самом деле советчица и укрывательница запретной любви, торгующая столько же молодым и старым человеческим телом, сколько новыми и старыми тряпками.

Стали продавать прелестную ризу эпохи Людовика XV, красивую, как платье маркизы, хорошо сохранившуюся, с гирляндой ландышей вокруг креста, с длинными голубыми ирисами, поднимавшимися до самого подножия священной эмблемы, и венками роз по углам. Купив ризу, я заметил, что она еще хранит чуть слышное благоухание, словно пропитавшись ладаном или, вернее, еще тая в себе легкие и сладостные ароматы былого, которые кажутся уже не запахом, а воспоминанием о запахе, душой испарившихся благовоний.

Придя домой, я хотел накрыть ею маленький стул той же восхитительной эпохи, но, примеряя ее, ощутил вдруг под пальцами шуршание бумаги. Когда я подпорол подкладку, к моим ногам упало несколько писем. Они пожелтели от времени, а выцветшие чернила казались ржавчиной. На сложенном по-старинному листе было начертано тонким почерком: «Господину аббату д'Аржансэ».

В первых трех письмах просто назначались свидания. А вот

четвертое:

Друг мой, я больна, совсем изнемогаю и не встаю с постели. Дождь стучит мне в стекла, и, лежа в тепле согревающих меня пуховиков, я лениво мечтаю. Со мною одна книга, которую я люблю и которую как будто отчасти написала я сама. Назвать ли вам ее заглавие? Нет. Вы станете бранить меня. Почитав, я отдаюсь думам, и мне хочется вам кое о чем рассказать.

Под спину мне подложили подушку; они поддерживают меня, и я, сидя, пишу вам на том маленьком пюпитре, который вы мне подарили.

Так как я три дня не покидаю своей кровати, то о кровати я и думаю, продолжая возвращаться к ней мыслью даже во сне.

Кровать, друг мой, – это вся наша жизнь. На ней рождают, на ней любят, на ней умирают.

Если бы я обладала пером г-на де Кребильона, я написала бы историю какой-нибудь кровати. Сколько потрясающих, ужасных приключений, но зато сколько приключений красивых и нежных! Сколько назидательных уроков можно извлечь из нее, сколько поучительных рассказов для всех!

Вы знаете мою кровать, друг мой. Вы никогда не сможете представить себе, сколько всего открыла я в ней за эти три дня и как возросла моя любовь к ней. Она кажется мне обитаемой, посещаемой, если можно так выразиться, вереницею людей, о которых я и не подозреваю, но которые, тем не менее, оставили в ней нечто от самих себя.

О, я не понимаю тех, кто покупает кровати новые, кровати без воспоминаний! Моя, наша кровать, такая старая, такая подержанная и просторная, должна хранить память о стольких жизнях – от рожденья до могилы. Подумайте об этом, друг мой, подумайте обо всем; вспомните, сколько поколений прошло между этими четырьмя колонками, под этим балдахином, вышитым фигурками, натянутым над нашими головами и столько всего перевидавшим. Чему только не был он свидетелем за три века, пока он там!

Вот распростертая молодая женщина. Время от времени у нее вырывается вздох, потом она стонет; ее окружают старики,

родные; и вот на свет появляется маленькое, скрюченное, сморщенное существо, мяукающее, как котенок. Так начинается человеческая жизнь. Она, молодая мать, чувствует себя страдающе-радостной; она замирает от счастья при первом крике ребенка и задыхается, и протягивает к нему руки; и все вокруг плачут от радости, потому что этот маленький комочек живого тела, отделившийся от нее, – это продолжение семьи, продолжение крови, сердца и души стариков, которые с трепетом глядят на него.

Вот впервые двое любящих очутились телом к телу в этой скинии жизни. Они трепещут, но, охваченные восторгом, сладостно упоены своей близостью, и уста их постепенно сближаются. Их соединяет поцелуй, божественный поцелуй – дверь в земной рай, поцелуй, который поет о людских наслаждениях, сулит их всегда, возвещая их и предвосхищая. И кровать колыхается, как взволнованное море, вгибается и рокошет, и сама кажется одушевленной, радостной, ибо на ней свершается пьянящее таинство любви. Что может быть в нашем мире слаще, совершеннее этих объятий, сливающихся воедино два существа и дарующих в этот момент каждому из них одну и ту же мысль, одно и то же ожидание, одну и ту же безумную радость, которая сходит на них, как всепожирающее небесное пламя!

Помните ли стихи, которые вы мне читали в прошлом году, стихи какого-то старого поэта, не знаю чьи, может быть, нежного Ронсара?

Если ляжем на кровать
И сплетемся, – нам под стать
Все восторги, как бывалым
Тем любовникам, чья страсть
Перепробует – и всласть –
Сто затей под одеялом.

Мне хотелось бы вышить эти стихи на балдахине моей кровати, с которого Пирам и Тисба без усталости глядят на меня своими вытканными глазами.

А вспомните о смерти, друг мой, о всех тех, кто испустил

последний вздох на этой кровати. Ведь она также и могила конченных надежд, все закрывающая дверь, после того как она была вратами, отверзающими мир. Сколько воплей, сколько страха, страданий, ужасного отчаяния, предсмертных стонов, простертых к былому рук, навеки смолкших призывов счастья, сколько судорог, хрипов, гримас, перекошенных ртов, закатившихся глаз видела эта кровать, где я вам пишу, сколько их видела она за три века, в течение которых простирала над людьми свой кров!

Кровать, вздумайте в это, – символ жизни; я догадалась об этом только три дня тому назад. Нет ничего более значительного, чем наша кровать.

И не является ли сон лучшим из мгновений нашей жизни?

Но здесь также страдают! Ложе – прибежище больных, место страданий износившейся плоти.

Кровать – это человек. Господь наш Иисус Христос, дабы доказать, что в нем не было ничего человеческого, никогда, кажется, не нуждался в кровати. Он родился на соломе и умер на кресте, предоставив слабым существам, вроде нас, это ложе изнеженности и отдыха.

Сколько еще других мыслей пришло мне в голову! Но некогда их записывать, да разве все их вспомнишь! И потом я уже так устала, что хочу вытащить подушки из-за спины, протянуться всем телом и уснуть.

Приходите навестить меня завтра в три часа; быть может, я буду лучше себя чувствовать и смогу вам это доказать.

Прощайте, друг мой, вот вам для поцелуя мои руки; вот вам также и губы.

Напечатано в «Жиль Блас» 16 марта 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Кребильон. – Имеется в виду французский романист Кребильон-сын (1707 – 1777), автор ряда эротических произведений, в том числе романа «Софа».

«Если ляжем на кровать...» – отрывок из стихотворения французского поэта Ронсара (1524 – 1585) «Стансы».

Пирам и Тисба. – Овидий рассказывает («Метаморфозы», кн. VI) о

трагической судьбе молодых вавилонян Пирама и Тисбы, полюбивших друг друга и решивших бежать из Вавилона, так как родители воспротивились их браку. По дороге к условленному месту встречи, к тутовому дереву с белыми плодами, Тисба встретила львицу с окровавленной пастью и в испуге спряталась в пещеру, бросив свое покрывало, которое львица изорвала. Пирам, спеша на свидание и увидев окровавленные обрывки покрывала, решил, что Тисба погибла, и в отчаянии пронзил себе грудь мечом. Этим же мечом покончила с собою и Тисба у трупа жениха. Безутешные родители хоронят прах влюбленных в одной урне, а белые плоды тутового дерева, свидетеля этой драмы, становятся, по завету Тисбы, кроваво-красными...

Ги де Мопассан.

Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской

Примечания Ю. Данилина. Neкаýalar